

10. Ингарден, Р. Двухмерность структуры литературного произведения / Р. Ингарден // Исследования по эстетике. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 572 с.
11. Кожев, А. Конец истории // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 311–312.
12. Лиотар, Ж.-Ф. Заметка о смыслах “пост” / Ж.-Ф. Лиотар // Иностранная литература. – № 1. – 1994.
13. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 140–158.
14. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М. Лотман // Избранные статьи : в 3-х томах. – Т. 1. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 129–133.
15. Сартр, Ж.-П. Один новый мистик // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 11–44.
16. Фуко, М. Ницше, генеалогия, история / М. Фуко // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 78–97.
17. Фуко, М. О трансгрессии // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 111–131.
18. Эко, У. Из заметок к роману “Имя розы” / У. Эко // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. – М. : Прогресс, 1986. – С. 224–229.
19. Хюльзенбек, Р. Дадаистский манифест 1918 года / Р. Хюльзенбек // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. – М. : Прогресс, 1986. – С. 318–320.
20. Arendt H. The life of the Mind. – Vol. I. – N.Y., 1978.
21. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie: L'Anti-Oedipe. – P., 1972. – 470 p.
22. Leitch, V. Deconstructive criticism: an advanced introduction. – L.: Etc, 1983. – 290 p.
23. Lemert, C. Postmodernism is not What You Think. – L. – Oxford, 1997. – 185 p.
24. McHal, B. Constructing Modernism. – L. – N.Y. : – 1998. – 342 p.
25. Mejjil, A. Prophets of extremity: Nietzsche, Neidegger, Foucault, Derrida. – XXIII. – Berkley, 1985. – 399 p.
26. Ricoeur, P. Oneself & Another. – Chicago, 1992. – 247 p.
27. Smart, B. Postmodernity. Key Ideals. – L. – N.Y., 1997. – 169 p.
28. Touraine, A. Critique de la modernité. – P., 1992.
29. Welsh, W. Unsere postmoderne Moderne. – Weinheim, 1987. – 344 p.
30. Write, H. Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth Century. – XII. – Baltimore – L., 1973. – 448 p.

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Можейко В. А.

*магистр управления, аспирант Национального Института образования
Министерства образования Республики Беларусь*

Аннотация. В статье рассмотрено соотношение между культурной политикой и обеспечением культурной безопасности. Выделены типы культурной безопасности и осуществлена оценка их эффективности в современных условиях.

Summary. The article deals with the relation between cultural policy and the realization of cultural security. Types of cultural security have been allocated and an assessment of their effectiveness in the current circumstances has been carried out.

Современные глобальные и региональные вызовы остро ставят перед Беларусью вопросы выстраивания структуры национальной безопасности и национальной идентичности. Культурная безопасность является той частью культурной политики, которая находится на пересечении внутригосударственной и международной деятельности. В чем заключается специфика культурной безопасности, как она отражается в белорусских государственных документах и заявлениях, какими могут быть шаги по укреплению культурной безопасности Беларуси?

Впервые в контексте государственной политики о культурной безопасности говорит Жан Боден в своей работе «Метод легкого познания истории» [1]. В частности, он говорил о ее конфессиональном аспекте. Придерживаясь в целом веротерпимости, Ж. Боден вменял в обязанность суверену бороться против радикальных учений, посягающих на основы государственности, разграничивая свободный частный выбор и посягательство на публичный интерес.

Существенно развивает понятие культурной безопасности П. Бурдые. Среди всех форм капитала он особо выделяет не только экономический, но и культурный, как наиболее важные формы капитала в современных обществах. Под культурным капиталом П. Бурдые подразумевает накопленное культурное достояние, сочетание всех достижений в сфере культуры, которые, в конечном счете, определяют национальную культурную специфику и культурный имидж государства на мировой арене [2]. Соответственно, одной из задач государства является защита его капитала, в том числе культурного, то есть забота государства о своей культуре.

Впервые на практике концепция культурной безопасности как специфической деятельности начала формироваться в 1980-е гг. в Новой Зеландии, в контексте локального медицинского обслуживания народа Маори. Там пришли к выводу, что успех такой деятельности невозможен без учета традиций и обычаев народов, которым оказывается соответствующая медицинская помощь. Соответственно, сформировалась концепция культурной безопасности (cultural safety) как деятельности, основанной на уважении и поддержке культурной идентичности сообщества, его древних традиций и современного состояния и потребностей [3, с. 26].

Безусловно, вопросы культурной безопасности шире околomedicalской проблематики, и в 1990-е гг. формируется новый термин «культурная безопасность» (cultural security) [4]. В русскоязычной традиции термин не меняется, но в англоязычном оригинале акценты смещаются с безопасности как защищенности, целостности, невредимости (safety) на безопасность как защиту, охрану, гарантирование, обеспечение (security). Таким образом, расширяется сфера его применения: не только локальные и/или гражданские инициативы, но общегосударственный и межгосударственный уровень обеспечения безопасности, наряду, к примеру, с военной или продовольственной безопасностью. В то же время, термин cultural security не заменяет, а дополняет cultural safety: первоначальная форма по-прежнему актуальна для уровня ее первоначального контекста.

В определении С. Форреста, культурная безопасность определяется как «способность общества сохранить специфические характеристики, несмотря на

изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно это включает постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [5]. Этот подход к культурной безопасности базируется на более общей концепции социальной безопасности, разработанной О. Вивером [6].

Таким образом, культурная безопасность не сводится к безопасности культуры как таковой. Ее также можно рассматривать как фактор обеспечения безопасности общества и государства в целом [7]. Сохранение памятников культуры и народных традиций, поддержка искусства и культурных инициатив не существуют сами по себе и не ограничиваются, в конечном счете, культурной сферой. Позитивное влияние этой деятельности распространяется шире, и его можно трактовать как деятельность по поддержке национальной безопасности через развитие культурного самосознания. При этом важно отметить, что культурная политика в контексте культурной безопасности не должна быть воинственной и нацеленной на противопоставление «чуждых» ценностей и культур «традиционным», «безопасным». Напротив, как замечает и С. Форрест, «культурная безопасность, это скорее не защита культуры от угроз, а создание условий, при которых культура будет безопасно расти и развиваться по своим законам» [5].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [8] на данный момент отсутствует отдельное понятие «культурной безопасности». Тем не менее, в Концепции отмечаются глобализационные вызовы культуре и необходимость определенных государственных усилий по поддержке и защите культурного пространства.

В частности, п. 12 декларирует, что в социальной сфере одним из основных национальных интересов является «развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, сохранение и преумножение его культурного наследия, укрепление духа патриотизма». При этом одним из основных источников внешних угроз национальной безопасности в этой сфере для Беларуси является «ослабление национально-культурной идентичности белорусской диаспоры, существенное ущемление законных прав и интересов соотечественников» (п. 40).

Ответом на это, согласно Концепции национальной безопасности, являются меры, которые можно отнести к культурной дипломатии (хотя этот термин также не упоминается в Концепции).

Так, согласно п. 49, меры по защите от внешних угроз национальной безопасности Беларуси сосредотачиваются, в том числе на таких направлениях, как «доведение до широких кругов мировой общественности объективной информации о Беларуси и ее позиции по основным международным проблемам, внешнеполитических инициативах, достижениях отечественной культуры и науки» и «развитие по периметру внешних границ Республики Беларусь пояса добрососедства во всех его измерениях: военном, политическом, культурном, информационном, социальном и экономическом».

Отдельный акцент Концепция делает на укреплении национальной безопасности через укрепление национального единства: «Совершенствование государственной политики в области межнациональных и межконфессиональных отношений будет заключаться в обеспечении условий для укрепления единой общности “белорусский народ”, воспитании уважения к другим национальностям, религиям и культурам, пресечении любых попыток разжигания национальной и

религиозной розни» (п. 52).

Таким образом, можно выделить два больших направления, на которых фокусируется Концепция национальной безопасности в культурном контексте.

Во-первых, это внутренняя деятельность, обеспечение культурной безопасности: поддержка и содействие развитию белорусской культуры в целях укрепления национальной/общегосударственной общности «белорусский народ» и предотвращения различных конфликтов, включая разжигание межнациональной розни.

Во-вторых, это внешняя деятельность, активная культурная дипломатия: работа с белорусской диаспорой, формирование пояса добрососедства через продвижение белорусской культуры, ценностей, взглядов и позиций.

Проблема культурной безопасности Беларуси была акцентирована президентом Республики Беларусь Александром Григорьевичем Лукашенко 21 апреля 2016 года при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию [9].

Президент, в частности, отметил: «Минкультуры стоит уделять особое внимание культурной безопасности государства. К сожалению, в настоящее время и эта сфера духовной жизни народа стала ареной для противостояния политических сил, размежеваний и «дележки» достижений. Сегодня задача – не допустить конфронтации общества, всячески содействовать его консолидации ради благополучия, настоящего и будущего нашей страны».

С этой темой тесно переплетен еще один акцент Президентского послания – информационная безопасность: «В нынешних условиях особенно важна защита нашего информационного пространства. Не секрет, что Беларусь «простреливается» различными информационными потоками. Поэтому необходимо умело и системно противостоять негативным явлениям, настойчиво проводить свою линию, защищая интересы белорусского народа и государства (...) Вот эту боевитость, умение активно и профессионально вести дискуссию, отстаивать конструктивную позицию сегодня как никогда важно взять на вооружение нашим газетам, журналам, телеканалам и радиопередачам не только республиканского уровня, но и регионального».

Таким образом, по мнению А.Г. Лукашенко, угрозой для Беларуси является общественная конфронтация через деструктивное культурное влияние, в том числе через внешние информационные потоки (которыми Беларусь «простреливается»). Ответом же на эти вызовы должна стать общественная консолидация (ср. с «укреплением общности “белорусский народ”» из Концепции национальной безопасности), достигаемая за счет акцента культурной политики на культурной безопасности и развития конструктивной, профессиональной дискуссионности в национальной информационной политике.

Культурную политику мягкой белорусизации можно выделить как динамично развивающийся существенный компонент белорусской политики в сфере культурной безопасности. Какова ее специфика?

Анализ событий сферы культуры Беларуси в целом – и культурной политики в частности – позволяет заключить, что ключевым моментом в формировании де-факто государственной культурной политики мягкой белорусизации является март-апрель 2014 года, то есть период сразу после крымско-донбасского кризиса, крупнейшего регионального кризиса за последние 20 лет.

Безусловно, определенные действия, которые можно рассматривать как мягкую белорусизацию, наблюдались и до этого (в первую очередь, – в общественной сфере).

Однако именно весна 2014 года стала отправной точкой как качественного скачка общественной мягкой белорусизации, так и изменения подхода власти к белорусизации.

К сожалению, невозможно определить какую-то одну дату или одно событие, которое стало началом мягкой белорусизации на качественно новом уровне – например, общественную акцию или принятие какого-либо официального документа, нормативно-правового акта. И общество, и власть здесь действовали постепенно, мягкой силой.

В результате такого эволюционного пути мягкая белорусизация еще не пришла к созданию какого-либо нормативно-правового документа (в идеале – концепции либо стратегии государственной культурной политики). На данный момент это вносит дезорганизирующий характер в осуществление культурной политики в целом и мягкой белорусизации в частности. Также это затрудняет и ее изучение, поскольку нет бесспорного и официального ориентира.

В чем же содержательная сущность мягкой белорусизации?

Во-первых, важно обратить внимание на «мягкость», то есть использование концепции «мягкой силы» (soft power). Этот термин ввел профессор Гарвардского университета Джозеф Най [10], подразумевая под ним концепцию такого политического воздействия, которое добивается результатов за счет не применения прямолинейной грубой силы, а на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности определенных идей, проявлений культуры [11].

Во-вторых, не менее значимым является направление этой политики, путь применения мягкой силы. Почему после украинского кризиса именно белорусизация стала актуальным направлением культурной политики и культурной безопасности? Трагичная практика показала, до каких рисков доводят проблемы несформированной национальной идентичности и тлеющих культурных конфликтов. Они создают благоприятную почву, питательную среду для внешнего влияния мягкой силы (в данном случае – вполне типичного проявления soft power феномена «русский мир»). В итоге из границ культурологии эти угрозы выходят на арену геополитики и войны. С другой стороны, именно осознанные культурные отличия помогают стране выстоять в критические моменты. В кризисе главным оружием становится не грубая сила, а как раз сформированная (или, напротив, несформированная у оппонента) национальная идентичность.

Таким образом, под мягкой белорусизацией следует понимать постепенное, в значительной степени добровольное расширение практики использования белорусского языка, поддержку развития и распространения белорусской культуры, сохранения и продвижения историко-культурного наследия, через построение культурной политики в формате мягкой силы. Эта деятельность способствует укреплению культурной безопасности, формируя и укрепляя национальную идентичность.

Культурная дипломатия (также распространен термин «внешняя культурная политика») тесно переплетается с концепцией «мягкой силы» Дж. Ная. В общем смысле она представляет собой продвижение интересов государства за рубежом через мягкое социокультурное сотрудничество. Следует рассматривать это как политический процесс использования культуры в качестве самостоятельного инструмента, то есть процесс, который имеет свою концептуальную основу и содержит скоординированный, рассчитанный на долгие годы прогностический элемент [12, с. 15].

Первоначально термин «культурная дипломатия» был введен американским исследователем Ф. Баргхорном в 1930-е гг. применительно к политике СССР и определял ее как «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [13]. Впоследствии важность внешней культурной политики была оценена повсеместно и ее дефиниция трансформировалась в более нейтральную. Например, американский политолог М. Каммингс-младший определяет культурную дипломатию как «обмен идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимопонимания». При этом культурная дипломатия является составной частью публичной дипломатии и представляет собой комплекс практических действий, имеющих стратегические и тактические цели в сфере культурного взаимодействия государств, международных организаций и других институтов [14].

Акторами культурной дипломатии в успешной мировой практике чаще всего являются институции, который можно обозначить как гибридные. С одной стороны, они получают организационно-политическую поддержку и, частично, ресурсы (такие, как прямая финансовая помощь) от своих государств, координируют свою деятельность с дипломатическими представительствами (зачастую руководители этих организаций являются и руководителями культурных отделов посольств). С другой стороны, они действуют в достаточной степени автономно, принимая самостоятельные стратегии работы и независимо находя финансирование (от различных спонсоров или платных услуг, вроде языковых курсов или администрирования лингвистических экзаменов).

В качестве примеров таких институций можно привести Польский институт, Французский институт, Британский Совет, Гете-Институт. Сегодня созданием подобной организации начинает заниматься новообразованный отдел культурной дипломатии Министерства иностранных дел Украины (Институт Тараса Шевченко или Украинский Институт).

По мнению В.Г. Шадурского, доктора исторических наук, профессора, декана факультета международных отношений БГУ, вопросы культурной политики Беларуси пока во многом остаются открытыми: «В сфере культуры обострились многие негативные явления, которые явились во многом следствием отсутствия отвечающей современным требованиям внутренней и внешней культурной политики (четко обозначенных приоритетов, их организационного и материального обеспечения и т. д.). Большая часть принятых законодательных актов представляет собой лишь декларации о намерениях в отдельных сферах культуры. Практически единственным документом, регламентирующим государственные подходы в культурной политике, остается Закон “О культуре в Республике Беларусь” ... Однако и его многие положения не выполняются, не обеспечены соответствующими нормативными актами» [15, с. 57].

К концу 2016 года основы белорусской культурной политики могут быть зафиксированы в кодексе «О культуре». Тем не менее, пока это остается пробелом в белорусской культурной деятельности, в том числе внешней культурной политики: «До настоящего времени в республике отсутствует комплексный документ, в котором были бы сформулированы приоритеты внешней культурной политики Беларуси. Отдельные положения о международном культурном сотрудничестве отражены в различных официальных актах, принятых в стране в последнее десятилетие. Теоретическое обеспечение внешней культурной политики заметно отстает от существующих потребностей. Нет оснований говорить не только о разработанности

долгосрочных перспектив международного культурного сотрудничества, но и о достаточном анализе текущих процессов»; по мнению В.Г. Шадурского, в Беларуси «существуют лишь контуры внешней культурной политики, а не целостная система» [15, с. 57].

Таким образом, хотя культурная дипломатия является важным элементом в обеспечении культурной безопасности, помогая продвигать государственную точку зрения и ценности за рубежом, в Беларуси сегодня это направление еще развито недостаточно. Что необходимо для улучшения этой ситуации?

Во-первых, это разработка соответствующих документов, нормативно-правовой базы, которые бы позволили обеспечить фундамент белорусской культурной политики – как внутренней, так и внешней.

Во-вторых, это создание институции, которая могла бы комплексно представлять белорусские интересы за рубежом, в первую очередь, по тем направлениям, которые являются наиболее приоритетными для Беларуси. Такой организацией мог бы стать Белорусский институт или Институт Франциска Скорины при Министерстве иностранных дел, которое уже зарекомендовало себя как высокопрофессиональная институция.

При этом исторически к созданию вышеперечисленных культурных институтов, деятельность которых направлена вовне, были причастны именно дипломаты: например, Французский институт опирается на сети общественной организации «Альянс Франсез», основанной в 1883 году по инициативе Поля Камбона, посла в Тунисе, Испании и Великобритании, а у истоков Британского Совета стоял сотрудник британского МИДа сэр Реджинальд Липер.

В этом контексте интересен опыт Павла Латушко. С одной стороны, он является белорусским кадровым дипломатом с опытом работы на разных должностях в МИДе, консулом в Белостоке (Польша) и Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Беларусь во Французской Республике (Королевстве Испания и Португальской Республике по совместительству). С другой стороны, он также является Постоянным представителем Республики Беларусь при ЮНЕСКО и с 2009 по 2012 год был министром культуры Республики Беларусь. Такое сочетание дипломатического и культурного опыта может быть чрезвычайно полезно для создания Белорусского института.

Таким образом, культурную безопасность можно определить как способность общества сохранить специфические характеристики, включая постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставаясь при этом открытым для всех востребованных, конструктивных внешних изменений. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь на данный момент не закреплены понятия «культурная безопасность» и «внешняя культурная политика» («культурная дипломатия»), хотя соответствующие им меры в Концепции присутствуют. Важность развития культурной безопасности и культурной дипломатии также была акцентирована президентом Республики Беларусь Александром Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию в 2016 году.

В качестве динамично развивающегося существенного компонента белорусской политики в сфере культурной безопасности можно обозначить культурную политику мягкой белорусизации. Под мягкой белорусизацией следует понимать постепенное, в значительной степени добровольное расширение практики

использования белорусского языка, поддержку развития и распространения белорусской культуры, сохранения и продвижения историко-культурного наследия, через построение культурной политики в формате мягкой силы. Эта деятельность способствует укреплению культурной безопасности, формируя и укрепляя национальную идентичность.

Важным элементом в обеспечении культурной безопасности является культурная дипломатия, которая помогает продвигать государственную точку зрения и ценности за рубежом. Для развития этого направления важно разработать соответствующий нормативно-правовой базис, который бы позволил обеспечить фундамент белорусской культурной политики – как внутренней, так и внешней. Также важно перенимать успешный мировой опыт, в частности – создание международной сети в достаточной степени независимых Институтов, которые в тесном сотрудничестве с белорусскими дипломатическими учреждениями будут продвигать белорусскую культуру, ценности и взгляд на повестку дня.

1. Боден, Ж. Метод легкого познания истории / Ж. Боден. – М. : Наука, 2000.
2. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. – М. : Socio-Logos, 1993.
3. Medical-Surgical Nursing: Assessment and Management of Clinical Problems. Elsevier Health Sciences, 2014. – 1824 p.
4. Cotter, John M. Cultural Security Dilemmas and Ethnic Conflict in Georgia // Conflict study Journal at the University of New Brunswick. Spring 1999. Vol. XIX. No. 1; Jean Tardif, Pierre-Jean Benghozi, Gerd Junne, George Ross. Intercultural Dialogues and Cultural Security // Planet Agora. September 2002; Scott Forrest. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellow knife, NWT September 18, 2004.
5. Forrest, S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellow knife, NWT September 18, 2004.
6. Weaver, O. Social Security: The Concept in Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. 1993.
7. Степанянц, М. Культура как гарант российской безопасности / М. Степанянц // Вопросы философии. – 2012. – № 1.
8. Указ Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575 / Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=14961>
9. Выступление Президента Александра Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-21-aprelja-obratitsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-13517/
10. Nye, J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.
11. Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.
12. Боголюбова, Н. М. Теоретические аспекты проблемы внешней культурной политики // Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева // Америка и мир: история и современность. – СПб., 2006. – С. 277.
13. Barghoorn, F. C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. – Princeton, 1960.
14. Cummings, Milton C. Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government. Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003.
15. Шадурский, В. Г. Внешняя культурная политика Республики Беларусь: состояние и проблемы / В. Г. Шадурский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 4. – С. 53–60.